

**СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МОРЯ В ПОВЕСТИ
А.А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО «ФРЕГАТ «НАДЕЖДА»**

І.А. БИКОВА. ЧЕН ХУН ЗАСОБИ СТВОРЕННЯ ОБРАЗУ МОРЯ В ПОВІСТІ О.О. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСЬКОГО «ФРЕГАТ «НАДІЯ».

Лінгвостилістичні особливості мариністики О.О. Бестужева-Марлінського, і зокрема його повісті «Фрегат «Надія» не були предметом спеціального вивчення, чим і пояснюється актуальність нашого дослідження. Мета статті – проаналізувати зображально-виражальні засоби створення образу моря в повісті відомого російського письменника 30-40-х років XIX століття О.О. Бестужева-Марлінського «Фрегат «Надія». Описано ліричні відступи, взаємодію домінуючих значень різних властивостей моря, оксюморон, порівняння, епітети, метафори, колоративи, дієслова руху, морську термінологію – усе, що створює певний настрій та допомагає зрозуміти глибокі психологічні переживання головних героїв повісті.

Ключові слова: образ моря, зображально-виражальні засоби, ліричний відступ, порівняння, оксюморон, морська термінологія.

И.А.БЫКОВА. ЧЕН ХУН. СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА МОРЯ В ПОВЕСТИ А.А.БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО «ФРЕГАТ «НАДЕЖДА».

Лингвостилистические особенности маринистики А.А. Бестужева-Марлинского, и в том числе его повести «Фрегат «Надежда» не были предметом специального изучения, чем и объясняется актуальность данного исследования. Цель статьи – проанализировать изобразительно-выразительные средства создания образа моря в повести известного русского писателя 30-40-х годов XIX века А.А.Бестужева-Марлинского «Фрегат «Надежда». Описаны лирические отступления, взаимодействие доминантных значений различных свойств моря, оксюмороны, сравнения, эпитеты, метафоры, колоративы, глаголы движения, морскую терминологию – все, что создает определенное настроение и помогает понять глубокие психологические переживания главных героев повести.

Ключевые слова: образ моря, изобразительно-выразительные средства, лирическое отступление, сравнение, оксюморон, терминология.

I, BYKOVA. CHEN KHUN. MEANS OF CREATING THE IMAGE OF THE SEA IN THE NOVEL OF A.BESTUZHEV-MARLINSKY «THE FRIGATE «HOPE».

The sea was not only a detail of the biography of the well-known Russian writer of the 1830s and 1840s, A. Bestuzhev-Marlinsky, but also one of the themes of his work. The works of B. Meilakh, T. Nikolskaya, V. Sakharov focus on the genre diversity of the writer's creativity, the comprehension of the romantic historical facts of his and the analysis of the personages' characters. However, the linguostylistic features of A. Bestuzhev-Marlinsky's marinistics, including his novel "The Frigate "Hope", in our opinion, has not yet been the subject of a special study, that explains the relevance of this study. The purpose of the article is to analyze the expressive means of creating the image of the sea in the novel "The Frigate "Hope" of A. Bestuzhev-Marlinsky. The article draws attention to lyrical digressions, in which the author confesses his love for the sea, to the interaction of the dominant values of various properties of the sea; to oxymorons and comparisons, emphasizing the constantly changing nature of the sea element; to epithets and metaphors, which enhance the perception of an unbridled sea storm. Colorants are analyzed, which convey the finest transitions in the description of

© И.А. Быкова, Чен Хун, 2017

<http://doi.org/10.5281/zenodo.570996>

the sea from blue to the happy period of carefree loving heroes to the color spectrum predicting a storm. The use of marine terminology, on the one hand, recreates the life of the sailor and the ship structure, and on the other hand participates in creating the effect of irony in describing the upper world. These and other means of artistic expression used to create the image of the sea bring a certain mood in the narrative and help to understand the deep psychological experiences of the main characters of the novel.

Keywords: the image of the sea, expressive means, lyrical digression, comparison, oxymoron, epithet, comparison, coloratives, terminology.

Судьба и творчество русского писателя-декабриста Александра Александровича Бестужева (1797–1837), известного под псевдонимом Марлинский, тесно связаны с морем, красота и мощь которого покорили его с детства. Вместе с братьями, которые учились в Морском кадетском корпусе, юный Александр участвовал в двухмесячном крейсерском плавании на учебном фрегате между Кронштадом и Петербургом. Как заправский матрос, он быстро овладел секретами морского дела и всею душой полюбил раздольную и свободную стихию. Писатель, можно сказать, предсказал свою судьбу в повести «Он был убит», потому что последние дни его жизни были связаны с морем: ссыльный А.А. Бестужев принял участие в морском десанте русских войск у мыса Адлер и был изрублен горцами в рукопашном бою. Однако море было не только деталью биографии, но и одной из главных тем его творчества. И хотя в работах Н.А. Маслина [2], Б.С. Мейлаха [4], Т.А. Никольской [3], В.И. Сахарова [5; 6], посвященных творчеству писателя, акцентируется внимание на жанровом своеобразии, осмыслении романτισко-исторических фактов, характеристике героев его морских повестей, однако лингвостилистические особенности повести А.А. Бестужева-Марлинского «Фрегат «Надежда», на наш взгляд, до сих пор не были предметом специального изучения, чем и объясняется актуальность данного исследования.

Цель данной статьи – проанализировать средства создания образа моря в повести А. Бестужева-Марлинского «Фрегат «Надежда».

Морская тематика пользовалась популярностью у поэтов-романтиков Байрона, Пушкина, потому что море было для них символом воли, вечного движения, мощи и красоты. Для А.А. Бестужева-Марлинского море было не только поэтической стихией и живописным фоном для героев его произведений, но и действующим лицом его «морских» романтических повестей «Лейтенант Белозор», «Мореход Никитин» и «Фрегат «Надежда», которые дали начало русской маринистике. Его последователями в развитии морской тематики в русской литературе стали И.А. Гончаров («Фрегат Паллада»), Д.В. Григорович («Корабль «Ретвизан»), В.И. Даль («Матросская душа»).

Тема повести А. Бестужева-Марлинского «Фрегат «Надежда» – вечная борьба чувства любви и долга в душе моряка, пристальное внимание к внутреннему миру героев на фоне динамичной, постоянно меняющейся на протяжении всего произведения морской стихии.

Море для Марлинского – вечная страсть, любовь, и эта любовь находит выражение в лирических отступлениях повести: «Море признания, море! тебе хотел я вверить жизнь мою, посвятить свои способности. Я бы привольно дышал твоими ураганами; валы твои сбратались бы с моим духом. Твои ветры носили бы меня из края в край, тобою разделяемые и тобою же связанные... Сколько раз, мучим бессонницею в теплой постели, завидовал я ночам, проведенным на шлюпке, под ливнем осенним, под бурей и страхом... Люблю я мечтать, склоняясь, над тобою, и переживать то, чего давно нет. Люблю пускать вскачь коня моего вдоль песчаного берега, разбрызгивая твою пену, и любоваться, как волны смывают мгновенный след мой!» [1, с. 162]. Адресат лирического отступления – море, с которым автор на – «ты», как с живым существом. Иногда через сравнение «только море, как любовник, грозит и ластится к камням» [1, с. 89] писатель переводит средний род в мужской, закрепляя его посредством синонима «океан»: «Океан взлелеял и сохранил его девственное сердце», «Теперь его миром стал безграничный океан» [1, с. 121]. В начале повести писатель отождествляет любовь Правина к морю с его любовью к княгине Вере: «Ему хотелось получше изведать море, называемое женщиной» [1, с. 127]. Затем описывает, как он мечется между «морем и любовницей» и как страсть к женщине побеждает долг капитана. А в конце повести автор показывает, что Правин ищет искупления своим трагическим ошибкам на

дне моря: «Море взлелеяло меня, море дало мне свои бурные страсти – пускай же море и поглотит их: только в бездне его я найду покой!» [1, с. 184].

До мелочей изучив матросский и офицерский быт, устройство корабля сложнейший словарь морских терминов и сигналов, Бестужев удачно вводит все это в текст повести, в том числе и когда его герои-матросы фрегата общаются между собой: «Пусть лучше молния разобьет *грот-мачту*, пусть лучше сорвется *руль с петель*, пусть лучше потеряем мы *рангоут*, нежели своего капитана» [1, с. 101]. Специальную лексику использует писатель, чтобы описать душевное состояние растерянности Правина, который первый раз оказался в великосветской гостиной: «Имя мое из уст официанта раздается, словно боевая пушка, – во мне занялся дух, и на глаза упал туман, хоть подымай сигнал: неясно вижу! Но экватор уже перейден – ворочаться поздно; вхожу, кланяюсь без прицела, краснею, будто каленое ядро» [1, с. 108].

Для создания образа моря автор использует различные изобразительно-выразительные средства. Вслед за прямым значением слова «море» он использует переносное в значении – «море блаженства», как что-то необъятное, захватывающее: «Она взглянула на море, которое развивалось впереди все шире и шире, потом на своего милого – и взор ее сказал: «Перед нами море, *море блаженства!*» [1, с. 158]. Восторг княгини Веры во время морского салюта подчеркивает оксюморон: «Ах! какой это был *прелестный ад!*», а потом метафоры и сравнения: «Сначала *клубы дыма* отдельно *катились* по волнам, но вскоре все *море превратилось в жерло вулкана*» [1, с. 93]. Оксюморон использует писатель и при описании морского шторма: «И к довершению этой *ужасно-прекрасной* картины невдалеке показались смерчи, или тромбы» [1, с. 106].

Эпитеты и метафоры при описании моря выполняют эмфатическую функцию: «Море *кипит*, волны *мечутся, жмутся, толкутся*, будто со страху; водяная метель с визгом *летит* над водою. И вот вдали, под мутным мраком, *изорванным* молниями, белой стеной *катится* вал; кажется, весь ад *пирует и хохочет* с какой-то сатанинской злобою» [1, с. 105].

Тему вечно движущегося моря А.Бестужев воссоздает глаголами, передающими активное движение: «волны *катились*», «ураган *хлестал*», «молнии *бичевали, рассекали*», «огненные змеи *пробегали*». Звук при описании шторма передается существительными: «гуденье, и вой, и шорох, и свист урагана» [1, с. 105]; деепричастиями: «фрегат, *бросаемый* волнением, то носом, то кормой ударялся в воду, *стеная и скрипя* от каждого взмаха» [1, с. 106]. Совсем иначе описывается море после шторма, когда, кажется, что оно возвращается в состояние относительного покоя: «Ветер совершенно стих, море опало. Оно едва, едва дышало, будто от усталости и что-то шептало, засыпая» [1, с. 182].

В создании особого настроения повествования большая роль отводится цветовой лексике. В день знакомства с Правиным княгиня в письме к подруге при описании моря использует яркие тона, усиливающие тему торжества красоты, тему жизни: «безграничное море разливалось, синее и сверкая» [1, с. 90]; «играла солнечным лучом с яхонтовыми волнами взморья» [1, с. 85]. Даже глаза капитана Правина, так привлекшего ее внимание княгиня сравнивает с морем: «Но глаза его – что это были за глаза, моя Софья! – влажные, голубые, как волна моря» [1, с. 91]. Гармонию счастливой любви во время морского путешествия беззаботных влюбленных создает писатель, в том числе, за счет использования при описании дня и ночи ярких колоративов: «Волны при солнце рассыпались *радужными* снопами, при луне – *растопленным серебром*; в темную ночь *сверкали фосфорною* пеною: корабль плыл в море света» [1, с. 162]. Опытный помощник капитана Нил Павлович по цветовой гамме морского пейзажа предсказывает бурю: «Солнце на закате было *красно*, как лицо английского пивовара, и *синие* редкие тучки, будто шпионы, выглядывали из-за горизонта» [1, с. 103]. Во время бури в цветовой гамме преобладают темные тона: «*Черно* было небо, но когда молнии бичевали *мрак*, видно было, как ниже, и ниже, и ниже *катились* тучи» [1, с. 102] или контрастные цвета: «Под мутным *мраком*, *изорванным* молниями, *белой* стеной *катится* вал» [1, с. 105].

Язык повести чрезвычайно богат сравнениями, в том числе и при описании моря: «Ветер гнал валы, рыл их, рвал их и со всего размаха бил ими, *как тараном*» [1, с. 102]; «Море с глухим гулом кипело и *дымилось котлом* около» [1, с. 106]; «Море было масленица, а девятый бал – милее девятого блина» [1, с. 180]; «дамочка бурливее мыса Горна» [1, с. 100]. В сравнениях с морем писатель часто использует одушевленные существительные, подчеркивая, что море для него живое существо: «Огромные валы, *словно стая китов*, рыскали и плескались в пространстве» [1, с.

177]. «Волны, как друзья, то улыбались, то хмурились на них и, мерно поражая фрегат, звучали, как стихи Пушкина» [1, с. 162]. «Я люблю тебя, море, как разлученного со мною брата, как потерянную для себя любовницу» [1, с. 162].

Писатель выделяет несколько доминантных значений, которые связаны с образом моря и взаимодействуют между собой в тексте. Прежде всего, это значение бесконечности, безграничности пространства: «Уже светало, и взоры его сквозь чистое стекло упали на *беспредельное море*» [1, с. 177]; «Теперь его миром стал безграничный океан» [1, с. 121]. Даже для моряков море – грозное, неуправляемое явление природы: «Матросы с благоговейным ужасом глядели на этот смерч редкое для них явление» [1, с. 106]. Море в повести писателя – это вечность: «...сизые волны океана, как столетия» [1, с. 106].

Значение бесконечности моря в начале повести ассоциируется с бесконечностью любви Ильи и Веры, а в конце повести – со значением безысходности, трагичности отношений Правина и княгини Веры, у которых нет будущего: «*Мрачней, все мрачней становилось море, и с ним заодно чернели думы Правина. Грудь его вздымалась тяжело, будто свинцовые валы обвивали ее своею тяжестью, будто лежала на ней колоссальная рука судьбы*» [1, с. 170]. «Оно (море) было мрачно и пусто, подобно его душе» [1, с. 177]. Не случайно состояние княгини после разлуки с любимым, о смерти которого она еще не знает, автор сравнивает с мертвым морем: «И княгиня погрузилась в долгое, тяжелое забытье; забытье, в котором, как в *мертвом море*, ни тени зыби, ни прилива, ни отлива, не витают рыбы, не перелетают через него птицы... все иссушено, все задушено!» [1, с. 186].

Со значением безграничности моря связано значение – многообразия света, ощущение которого возникает во время путешествий. Капитан Правин побывал в различных уголках света: и в Бразилии, и в Австралии, и на чудных коралловых островах Тихого океана, и на плавучих ледяных горах Южного полюса. Да и во время морского путешествия с князем Петром и его женой они увидели Петербург, «гранитные скалы Финляндии, рыцарский Ревель», Швецию, Копенгаген, Норвегию, Немецкое море, Норд-форландский маяк и Англию.

С морем связано и такое доминантное значение, как его непостижимая глубина и таинственность: «Пусть отвечают бездны моря» [1, с.187]. «Только в бездне моря найду я покой» [1, с. 184]. Море для Правина также загадочно, как любимая женщина: «Ему хотелось лучше изведать море, называемое женщиной» [1, с.126]. В море Правин ищет спасение от светского общества, от его лжи, он видит в нем приют от безответной любви: «Теперь, чем скорее в море, тем лучше. Земля, кажется, горит подо мною, горит и сердце – и лишь в туманах океана погашу я его» [1, с. 129];

Таким образом, для создания образа моря А.А.Бестужев-Марлинский использует различные средства художественной выразительности: лирические отступления, в которых признается в любви к морю, доминантные значения различных свойств моря, взаимодействующие между собой в тексте. Сложнейшая морская терминология, воссоздающая матросский быт и устройство корабля, оксюмороны, сравнения, эпитеты, метафоры, колоративы – все это привносит определенное настроение в повествование и помогает глубже проникнуть в развернувшуюся во время морского путешествия трагедию главных героев повести.

Перспектива исследования: преемственность творческой манеры А.А.Бестужева-Марлинского в создании образа моря в произведениях русских писателей-маринистов второй половины XIX века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бестужев- Марлинский А.А. Фрегат «Надежда». – Одесса: Маяк, 1983. – 238 с.
2. Маслин Н. А. А. Бестужев-Марлинский // А.А. Бестужев-Марлинский. Сочинения в двух томах. – Т.1.– М.: Худ. лит., 1958. – С. 3–111.
3. Никольская Т.А. Жанровая система А.А.Бестужева-Марлинского. – Автореф. канд. диссерт.– Уфа, 2002. – 21 с.
4. Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / под ред.Б.С. Мейлаха. – Л.:Наука, 1973. – 533 с.
5. Сахаров В.И. Море было моя страсть // Александр Бестужев-Марлинский «Фрегат «Надежда».– Одесса: Маяк, 1983. – С. 228–236.

6. Сахаров В.И. А.А.Бестужев-Марлинский и его проза. – М.: Сов.Россия, 1984. – 306 с.

(Статья поступила в редакцию 4 февраля 2017 г.)